

- turies through excursion work]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the South-West State University]*, 2012, no. 4-3 (43), pp. 219-223. (In Russ.).
21. Telezhinskaya E.L., Zapolskikh G.M. Osobennosti organizatsii ekskursionnoy deyatel'nosti [Features of organizing excursion activities]. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v mirovom uchebno-vospitatel'nom prostranstve [Modern educational technologies in the global educational space]*, 2016, no. 8, pp. 194-199. (In Russ.).
  22. Tenova Z.Y., Khapov U.A., Shomakhova A.I. Ekskursiya kak effektivnaya forma obucheniya shkol'nikov [Excursion as an effective form of teaching schoolchildren]. *Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnosheniy [Theory of Law and Interstate Relations]*, 2022, vol. 2, no. 9 (21), pp. 298-303. (In Russ.).
  23. Khabetdinova R.R., Akhmetshina A.K. Ekskursiya kak instrument vospitaniya i obrazovaniya obuchayushchikhsya [Excursion as a tool for upbringing and education of students]. *Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University]*, 2025, no. 1 (54), pp. 82-84. (In Russ.).
  24. Khuuskonen N.M., Glushanok T.M. *Praktika ekskursionnoy deyatel'nosti [Practice of excursion activities]*. St. Petersburg, Izdatel'skiy dom Gerda Publ., 2008. 208 p. (In Russ.).
  25. Sharandak D.N. Ekskursiya kak sredstvo dukhovno-nravstvennogo vospitaniya [Excursion as a means of spiritual and moral education]. *Kubanskaya shkola [Kuban school]*, 2021, no. 2, pp. 72-73. (In Russ.).

УДК 784.4

DOI 10.31773/2078-1768-2025-473-81-91

## МУЗЫКАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАЛЕНДАРНЫХ И СЕЗОННО-ПРИУРОЧЕННЫХ ПЕСЕН ЧУВАШЕЙ СИБИРИ

**Исмаилова Екатерина Игоревна**, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, РФ). E-mail: zhimul@inbox.ru

Настоящая работа посвящена характеристике напевов календарно-приуроченных песен, бытующих в локальных традициях сибирских чувашей. Предпринимается анализ композиции, слогоритмических и ладоинтонационных закономерностей, некоторых особенностей исполнительской манеры звучащих образцов. Перечисленные параметры рассматриваются в сравнении с аналогичными уровнями в подобных песнях, принадлежащих материнским традициям, которые функционируют в Чувашии, на исходных территориях сибирско-чувашских переселенцев или их родителей. Материалом для исследования послужили аудиообразцы календарного фольклора и сезонно-приуроченных хороводных песен, зафиксированные в ходе экспедиционной работы с 2003 по 2024 год в различных областях Сибирского региона. Исследовались песни чувашского зимнего праздника *Сурхури/Раштав* (Рождество), Масленицы, а также напевы хороводов (*петровских песен*), приуроченных к весенне-летнему сезону.

Сравнительный анализ перечисленных параметров привел к следующим результатам. К схожим уровням музыкальной организации относится композиция; глубокое родство прослеживается также и в отношении слогоритма песенных образцов. Уровень ладоинтонационности более вариативен, от точного сходства до разных ладовых разновидностей, лежащих в русле пентатонной системы. Наибольшая сфера отличий – исполнительская манера, темп и характер звучания, что обусловлено различными традициями исполнения и индивидуальными певческими стилями. Сохранившиеся в условиях сибирской диаспоры фольклорные произведения демонстрируют устойчивую преемственную связь с материнской традицией. Это свидетельствует о высоком уровне структурной организации чувашской народной музыки и о силе глубинной памяти носителей чувашского фольклора.

**Ключевые слова:** напевы чувашских календарных песен, песенный фольклор чувашей Сибири, слогоритм, пентатоника, музыкальный фольклор сибирских переселенцев.

## MUSICAL ORGANIZATION OF CALENDAR AND SEASONAL SONGS OF THE CHUVASH PEOPLE OF SIBERIA

*Ismagilova Ekaterina Igorevna*, PhD in Art History, Sr Researcher of Siberian Folklore Sector, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zhimul@inbox.ru

This work is devoted to the characterization of the chants of calendar-linked songs common in the local traditions of Siberian Chuvash people. Analysis of the composition, syllabic rhythmic and modal intonation regularities, and of some performance characteristics of the samples is being undertaken. The parameters listed are considered in comparison with analogical levels in similar songs belonging to the maternal traditions that function in Chuvashia, in the initial territories of the Siberian-Chuvash settlers or of their parents. The audio samples of calendar folklore and seasonally-timed round dance songs, recorded during the expedition work from 2003 to 2024 in various areas of the Siberian region have served as material for the study. The songs of Chuvash winter holiday *Surkhuri/Rashtav* (Christmas), Maslenitsa, as well as the chants of round dances (*Peter's songs*), dedicated to the Spring-Summer season, have been examined.

Comparative analysis of the listed parameters led to the following results. Composition is related to the close levels of musical organization; the profound relationship is also traced in the syllabic rhythms of song samples. The level of modal intonation is more variable, from exact analogies to various modal varieties lying in the channel of pentatonic system. The major sphere of differences: performance manner, tempo and the sounding character, which is caused by the different performance traditions and individual styles. Folklore compositions preserved in the conditions of Siberian diaspora demonstrate sustainable successive link with the maternal tradition. This demonstrates the high level of structural organization of Chuvash folk music, as well as the strength of deep memory of the bearers of Chuvash folklore.

**Keywords:** tunes of Chuvash calendar songs, song folklore of the Chuvash people of Siberia, syllable rhythm, pentatonic scale, musical folklore of Siberian settlers.

### Введение

Чувашский народный календарь чрезвычайно богат и разнообразен [7, с. 250–251]. Сфера календарного фольклора занимает важнейшее место в чувашской народной культуре, можно сказать, что она, наряду с обрядами жизненного цикла и традиционной чувашской лирикой, является составляющей частью ее ядра. Ведущее место при проведении календарно-обрядовых праздников занимает песенный фольклор: песни сопровождают все значимые даты и события, приуроченные к определенному сезону.

У чувашских переселенцев, проживающих в Сибири, календарный фольклор сохранился далеко не в столь полной мере, как на материковой территории традиции, в Поволжье. Свою роль здесь сыграли менее благополучные климатические условия для земледелия, оторванность от родины, проживание в иноэтнической (чаще всего, русской) среде, а также уничтожение традиционного крестьянского быта, явившееся следствием социальных потрясений и экспериментов XX века.

Однако же и в этих, не способствующих сохранению и трансляции традиции условиях в чувашских поселениях Сибирского региона в середине – второй половине XX века отмечались некоторые календарные праздники. Отдельные образцы календарной песенности сохраняются в памяти носителей традиции вплоть до настоящего времени [4, с. 94]. К началу XXI века относится и регулярная запись музыкального фольклора от сибирско-чувашских переселенцев [1, с. 73].

Несмотря на то, что к настоящему моменту удалось зафиксировать немного образцов календарной и сезонно-приуроченной песенности, на основании имеющегося материала все же есть возможность провести исследование по обозначенной теме. Цель настоящей работы заключается в характеристике музыкальной организации календарно-приуроченных песен, бытующих в локальных традициях сибирских чувашей. С этой целью предпринимается анализ композиции, слогоритмических и ладоинтонационных закономерностей, а также некоторых особенностей

исполнительской манеры звучащих образцов<sup>1</sup>. Для более яркой и убедительной характеристики перечисленных параметров они рассматриваются в сравнении с аналогичными уровнями в образцах, принадлежащих материнским традициям, которые функционируют в местах выхода сибирско-чувашиских переселенцев (или их родителей). Материалом для исследования послужили образцы календарного фольклора и сезонно-приуроченных хороводных песен, полученные сотрудниками Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки и Института филологии СО РАН в ходе экспедиционной работы с 2003 по 2024 годы<sup>2</sup>. Далее рассмотрим песни согласно их приуроченности к различным праздникам и периодам народного календаря<sup>3</sup>.

### Песни праздника *Сурхури/Раштав* (Рождество)

Годовой цикл чувашских календарных праздников открывает праздник *Сурхури* («овечья нога»), отмечаемый в период зимнего солнцеворота. В процессе христианизации на этот животноводческо-земледельческий праздник наложилось празднование Рождества Христова, в результате чего возникло новое название этой календарной вехи – *Раштав*<sup>4</sup>. Во время поздравительных обходов сельских дворов группы мальчиков и подростков пели песни о наступлении праздника и желали хозяевам умножения домашнего скота и доброго урожая.

Поздравительные песни, посвященные празднику *Сурхури*, были записаны нами в Сибири в очень малом количестве – всего два образца

<sup>1</sup> В статье присутствуют ссылки на материалы интернет-ресурса «Атлас звучащих фольклорных текстов» (далее – АЗФТ), на котором расположены рассматриваемые аудиообразцы, их тексты на чувашском языке и в русском переводе, информация об исполнителях и другие данные.

<sup>2</sup> Полевые аудио-, фото- и видеоматериалы хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки.

<sup>3</sup> Рассмотрение этнографических контекстов исполнения и характеристика содержания произведений чувашского календарно-обрядового и сезонно-приуроченного фольклора, сохранившегося в различных уголках Сибирского региона, содержится в нашей статье [2].

<sup>4</sup> В традиции верховых чувашей *вирьял* сохранилось прежнее название праздника – *Сурхури*.

новогодней припевки «*Сурхури – Кёркури!*»<sup>5</sup>. Несмотря на то, что эти тексты бытовали в разных местностях, они очень сходны. Это обусловлено их принадлежностью к фольклорной традиции одной диалектной группы – верховых чувашей (*вирьял*).

Композиции этих фольклорных образцов практически идентичны и представляют собой однострочные структуры, повторяющиеся в зависимости от протяженности текста. Слогоритмическая организация обоих напевов укладывается в семисложник 4+3 (начальная строка – шесть слогов, 3+3; см. Приложение, примеры 1, 2).

Мелодия первого образца разворачивается в узкообъемном ладу, в диапазоне увеличенной кварты. Очевидно, носительница традиции не очень уверенно или чисто воспроизводит этот напев, о чем свидетельствует постепенное снижение тесситуры звучания со смещением опоры в конце каждой строки (с *d'* к *h*), неустойчивое завершение напева, а также остановка в пятой строке (в это время исполнительница вспоминает текст). Для интонирования этого фольклорного произведения характерен полуречитативный, местами скандированный стиль исполнения и достаточно подвижный темп ( $\theta = 150\text{--}154$ ). Возможно, подобное быстрое полупроговаривание текста явилось следствием перехода зимних поздравительных песен в детскую исполнительскую среду.

Второй образец (см. Приложение, пример 2) звучит более напевно, экспрессивно скандируются лишь последние слова «*Ҷа тма хё рри ка тй тйр*»! (*Пусть край сковороды отколетя!*). Его мелодия заключена в рамки узкообъемного лада в объеме малой терции *f'* – *d'* с заполнением, в той же тесситуре, что и напев первого образца.

С целью обнаружения сходств и различий сравним сибирские образцы поздравительной припевки с близким им вариантом, зафиксированном в д. Тиханкино Красночетайского района Чувашской Республики – материнской территории рассматриваемой переселенческой традиции<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Первый образец записан в 2008 году в Омской области (АЗФ: [https://folkmap.philology.nsc.ru/song/surhuri\\_grigori2](https://folkmap.philology.nsc.ru/song/surhuri_grigori2)), второй – в 2024 году в Республике Хакасия [4, с. 94]. Подробнее о текстах этих песен см. в [2, с. 13].

<sup>6</sup> Аудиозапись, текст и паспортные данные образца содержатся в АЗФ: [https://folkmap.philology.nsc.ru/song/surhuri\\_grigori](https://folkmap.philology.nsc.ru/song/surhuri_grigori).

Поволжский образец очень близок сибирским образцам в плане композиции (также однострочная) и слогоритмической организации (семисложник 4+3, начальная строка 3+3; см. Приложение, пример 3). Сходство проявляется также в коротких, словно оборванных окончаниях и в некотором ускорении темпа от начала к концу произведения. Интонационное наполнение поволжского образца несколько иное: он более рельефно мелодически оформлен: напев разворачивается в диапазоне большой терции  $f' - a'$  с субквартой к опорному тону  $f' - c'$ . Стиль исполнения в поволжском варианте песенный – мелодия здесь именно поется и звучит в достаточно спокойном темпе ( $\theta = 70-82$ ), что отличает звучание этой новгородней припевки от ее сибирских вариантов.

В целом же при сравнении всех трех образцов песен праздника Сурхури очевидна их общность на уровнях композиции, слогоритма и, отчасти, ладовой организации (узкообъемные лады в диапазоне терции). Отличия же напевов находятся в более вариативной области мелодики и индивидуальных исполнительских особенностях.

### Песни праздника *Ѕаварни* (Масленица)

Масленичные песни *Ѕаварни юрри* сохранились в традициях сибирских чувашей в большем количестве, чем зимние поздравительные песни. От чувашей, проживающих в Новосибирской, Омской, Кемеровской областях и Красноярского края были зафиксированы около двух десятков образцов этого жанра.

Песенный репертуар масленичных гуляний у сибирских чувашей во второй половине XX века был не вполне однородным. Исполнительницы более старшего возраста хорошо помнят, что на Масленицу пелись «специальные песни», *Ѕаварни юрри*. Исполнялись также песни поздней традиции, с сюжетом, разворачивающимся во время этого праздника и потому приуроченных к исполнению именно в этот период<sup>7</sup>. В настоящей работе будут рассмотрены традиционные масленичные песни, бытующие в разных чувашских музыкальных диалектах: средненеизового диалекта *анат-*

*енчи* и верхового *вирьял* в сравнении с близкими им вариантами из Чувашии.

Напев образца, записанного в Новосибирской области от потомков средненеизовых чувашей, заключен в четкую двухстрочную строфическую форму; песня включает в себя две строфы (см. Приложение, пример 4)<sup>8</sup>. Стиховая организация строк – силлабическая, строки многослоговые (7+4, 7+3). Ритмическая организация напева является квантитативной, строки состоят из пяти ритмических ячеек (строка типа «анатри» [6, с. 102]). Мелодия звучит в характерном для чувашской традиционной музыки пентатонном ладу, по структуре это наиболее распространенный пентатонный звукоряд  $d$ , с отсутствующим звуком  $h - dega(h)$  [6, с. 95]. Весь звукоряд напева показан сразу, в первой же мелодической фразе. Соотношение опорных звуков квартовое  $c' - g$ , в котором  $c'$  является промежуточной опорой и  $g$  – заключительной. Мелодику рассматриваемого образца по взаимоотношению текста и напева можно определить как нестрогослоговую, поскольку при преобладающей координации «один слог – один звук» присутствуют краткие двух- и трехзвучные распевы.

Сравним этот образец с вариантом, записанным в 2020 году в д. Яманово Канашского района Чувашской Республики – местом, откуда приехали в Новосибирскую область родители исполнительницы только что рассмотренного сибирского варианта (см. Приложение, пример 5)<sup>9</sup>. На первый взгляд, сибирский и поволжский образцы *Ѕаварни юрри* совершенно разные. Они значительно отличаются в области интонационного наполнения и манеры исполнения. В поволжском образце преобладают восходящие квартовые интонации  $fis' - h'$  (мелодия спускается к опорному тону только в концах второй и третьей строк), в отличие от напева сибирского образца, в котором чаще встречаются нисходящие квартовые ходы ( $d' - a, c' - g$ ). Для звучания поволжского образца характерны распевы, украшения со вспомогательными звуками, внутридольные синкопы,

<sup>7</sup> О песнях поздней традиции с сюжетом о гибели девушки во время масленичного гуляния и напевом, заимствованным из русской тюремной песни «Далеко в стране Иркутской» написано в нашей статье [3, с. 15, 16, 18].

<sup>8</sup> Аудиозапись, текст и паспортные данные образца содержатся в АЗФТ: [https://folkmap.philology.nsc.ru/song/zapryazhem\\_li\\_loshadei\\_horoshih](https://folkmap.philology.nsc.ru/song/zapryazhem_li_loshadei_horoshih).

<sup>9</sup> Аудиозапись, текст и паспортные данные образца содержатся в АЗФТ: [https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenitsa\\_maslenitsa\\_ai\\_skazali\\_mi](https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenitsa_maslenitsa_ai_skazali_mi).



сдержанный темп пения; исполнительница стремится к повышению строя, поэтому третья строка звучит на полтона выше звуковысотного уровня начала песни.

При анализе композиции, слогоритмической и ладовой организации обоих напевов, становится очевидным их глубокое сходство. Они имеют одинаковую строфическую структуру, только в поволжском образце строфы становятся трехстрочными за счет повторения второй строки (АВВ); в сибирском же варианте строфы двухстрочные (АВ), возможно, потому что исполнительница пела всю песню несколько торопливо и не стала делать повтор второй строки. Практически точно совпадают слогоритмические рисунки обоих образцов: многослоговая строка 7+4 или 7+3. Так же, как и первый рассмотренный образец масленичной песни, поволжский напев звучит в пентатонном ладу *d* (*degah*): в данном случае это *fis – gis – h – cis* с отсутствующим звуком *dis*.

Рассмотрим еще одну пару образцов (сибирский и поволжский) масленичных песен, принадлежащих к другому чувашскому языковому и музыкальному диалекту – фольклорной традиции чувашей вирьял. Композиция первого образца, записанного в Омской области, представляет собой трехстрочную строфу сквозного строения АВС (см. Приложение, пример 6)<sup>10</sup>. Можно предположить, что в основе звукояряда этого образца также лежит пентатоника, причем более редкая ее разновидность, чем в сибирском образце, записанном от носителей средненизового диалекта: от звука *a – ahde(g)*. Строгую пентатонику нарушает звук *c'*, как правило, встречающийся в распевах. Вплоть до конца напева опорами выступают звуки *a* и *h*, заключительная же опора не вполне ясна, так как исполнительница проговаривает последние два звука без определенной высоты, возможно, это звуки *f* и *e*. Звукояряд напева раскрывается не сразу, лишь к концу первой строки, в начале демонстрируется его верхняя часть. Мелодике этого образца свойственна распевность, особенно это качество проявляется в концах первой и второй строки. Исполнительскую манеру отличает определенное своеобразие: входящее и исходящее глиссандо, внетрические удлинения и укорачивания длительностей, начальные

интонации каждой строки подчеркнуты акцентами. В целом же можно заметить, что в этом напеве присутствует ряд характерных черт, свойственных напевам верховых чувашей: семисложная строка, ямбизация ритмики напева, особая манера интонирования.

Поволжский вариант был записан в 2006 году в деревне Старые Атаи Красночетайского района Чувашской Республики и относится к той же локальной традиции, что и вышерассмотренный сибирский вариант<sup>11</sup>; его текст и нотировка опубликованы в Хрестоматии чувашских календарных песен [8, с. 64, 65].

Сходства между этими образцами проявляются в одинаковой слогоритмической организации: это семисложные строки 4+3 (строка типа «такмак»). В обоих образцах присутствует явление «ямбизации»: укорачивание нечетных тонов и удлинение четных, свойственное ритмике верховых чувашей [6, с. 106]. В отличие от строфической трехстрочной композиции сибирского образца, в поволжском образце трехстрочную строфу АВВ завершает припев с распевом на слогах *ой-я-я, рай-я-я*.

Ладоинтонационная организация поволжского напева отличается от сибирского: мелодия в нем разворачивается в пентатонном звукояряде *d*, в данном случае от звука *c' – c' – d' – f' – g' – a'* с субквартой *g – c'*. Преобладают нисходящие интонации от побочной опоры *g'* к *c'*. Припев завершается на побочной опоре – звуке *g'*; подобное квартовое смещение опоры свидетельствует о проявлении ладовой переменности, характерной для монодийной музыки.

### Хороводные песни праздника Уяв

На основании имеющихся у нас материалов можно сделать вывод, что из всех жанров, имеющих календарную приуроченность, самую лучшую сохранность у сибирских чувашей демонстрируют хороводные песни *вйй юрри*, или, как еще их называют носители традиции, – петровские песни (*Петрав юрри*)<sup>12</sup>. Эти песни не при-

<sup>10</sup> Аудиозапись, текст и паспортные данные образца содержатся в АЗФТ: [https://folkmap.philology.nsc.ru/song/eta\\_maslenitsa\\_zachem\\_prihodit](https://folkmap.philology.nsc.ru/song/eta_maslenitsa_zachem_prihodit).

<sup>11</sup> Деревня Старые Атаи относится к одному кусту поселений с деревней Санкино, откуда приехали родители Н. И. Гавриловой – исполнительницы сибирского образца масленичной песни.

<sup>12</sup> Подробнее о бытовании чувашских хороводных песен в Сибири и об особенностях их текстов см. в [5].

надлежат к календарно-обрядовому фольклору в строгом смысле этого слова. Однако же им свойственна определенная сезонная приуроченность: они исполняются от Вознесения или Троицы (конец мая – начало июня) и прекращают петься в Петров день (12 июля).

Большинство рассмотренных нами образцов петровских песен принадлежат локальной традиции чувашей низового и средненизового диалекта, проживающих в Северном районе Новосибирской области. Они звучат с одним напевом, который можно определить как политекстовый (см. Приложение, пример 7)<sup>13</sup>. По своим структурным, ритмическим и ладомелодическим признакам рассматриваемый напев относится к третьей группе вариантов третьего семейства (см. музыкальную типологию хороводных песен, разработанную М. Г. Кондрачевым [6, с. 87–89]. Одной из особенностей этого напева является «замена двухвременных групп на трехвременные» [6, с. 87]. От чувашей Северного района были зафиксированы также два образца с традиционным чувашским текстом и напевом, близким по своей структуре и интонационности русским хороводно-игровым песнями; возможно, этот напев был заимствован из русской фольклорной традиции<sup>14</sup>.

В 2020 году в с. Яманово Канашского района Чувашской Республики был записан образец хороводной песни с подобным напевом (см. Приложение, пример 8)<sup>15</sup>. Известно, что именно из этих мест в начале XX века в Сибирь приехали родители одной из самых знающих носительниц песенной традиции – Т. А. Слепченко (Ястребовой), проживавшей в с. Чуваши Северного района Новосибирской области.

При сравнении сибирского и поволжского вариантов хороводных песен очевидно сходство их структуры: в сибирском образце она строфическая трехстрочная ABB, в поволжском – четырехстрочная AABV<sup>16</sup>. Слогоритмические рисунки

первых двух строк двух сравниваемых образцов различные, особенно явно заметно отличие между ямбическими ячейками в начальных сегментах сибирского образца ( $\epsilon \theta \epsilon \theta \mid \epsilon \epsilon \epsilon \epsilon$ ) и семисложниками поволжского образца ( $\epsilon \epsilon \epsilon \epsilon \mid \epsilon \epsilon \theta$ ). Слогоритмическая организация третьей и четвертой строк демонстрируют полную идентичность ( $\theta \theta \theta \theta \mid \epsilon \epsilon \eta$ ), что свидетельствует о внутреннем, не сразу очевидном родстве этих двух вариантов. Ладоинтонационная организация этих образцов также фактически одинаковая: оба напева разворачиваются на ступенях пентатонного звукоряда  $e - egah(d)$  и представляют собой тетрахорды в квинтовой рамке ( $a - c' - d' - e'$  и  $gis - h - cis' - dis'$ ).

Среди отличий в звучании этих образцов укажем на разную исполнительскую манеру. Сибирский образец поется в подвижном темпе, просто, без орнаментики. Поволжский же образец звучит неторопливо, в богато орнаментированной манере пения (см. Приложение, пример 8). Возможно, в Сибири произошла утра своеобразной украшенной певческой манеры пения хороводных песен, или же перед нами индивидуализированная исполнительская манера, свойственная исполнительнице из Чувашии.

### Выводы

В результате рассмотрения отдельных образцов чувашской календарной песенности, бытующих в Сибири в сравнении с их поволжскими вариантами, можно сформулировать некоторые выводы. Ряд параметров демонстрирует глубокое сходство вплоть до полной идентичности во внутренней организации напевов. Среди них композиция, которая, как правило, очень сходная у образцов, относящихся к определенному жанру календарных песен. Глубокое родство прослеживается также на уровне слогоритмической организации песенных образцов. Уровень ладоинтонационности более вариативен, от точного сходства до различий, лежащих, тем не менее, в русле пентатонной ладовой организации (мелодии могут звучать в разных пентатонных ладах). Наибольшая сфера различий – исполнительская манера, темп и характер звучания, что обусловлено (дичностей). Вероятно, это типологически родственные явления.

<sup>13</sup> Аудиозапись, текст и паспортные данные сибирского образца содержатся в АЗФТ: [https://folkmap.philology.nsc.ru/song/dozhd\\_nadvigaetsya\\_temneya](https://folkmap.philology.nsc.ru/song/dozhd_nadvigaetsya_temneya).

<sup>14</sup> Подробнее об этих образцах см. в [5, с. 41].

<sup>15</sup> Аудиозапись, текст и паспортные данные этого образца содержатся в АЗФТ: [https://folkmap.philology.nsc.ru/song/vverh\\_podkinula\\_ya\\_myachik](https://folkmap.philology.nsc.ru/song/vverh_podkinula_ya_myachik).

<sup>16</sup> Заметим, что подобная структура характерна и для русских хороводных песен (AABV – пара перио-

но разными традициями исполнения и различными индивидуальными манерами.

Более всего сходств прослеживается в зимних поздравительных припевках праздника Сурхури. В этих кратких и простых по музыкальной организации образцах присутствует самое большое родство. Вероятно, это свидетельствует о присутствии в рассмотренных образцах единой архаичной основы. Несколько больше отличий между напевами сибирских и поволжских вариантов наблюдается в более разнообразных интонационно масленичных и хороводных песнях. Но и в них отчетливо прослеживается внутреннее род-

ство, особенно на уровне слогоритма и ладовой организации.

Можно сказать, что рассмотренные образцы чувашской календарной песенности – фрагменты некогда богатой и яркой сферы чувашской народной культуры, бытовавшей в Сибири еще несколько десятилетий назад. Сохранившиеся в условиях диаспоры фольклорные произведения демонстрируют устойчивую преемственную связь с материнской традицией, что свидетельствует о высоком уровне структурной организации чувашской народной музыки и о силе глубокой памяти носителей чувашского фольклора.

### Литература

1. Исмагилова Е. И. Изучение музыкально-фольклорных традиций чувашей Сибири: итоги и перспективы // Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 14 августа 2020 года) / сост. и науч. ред. Л. И. Бушуева. – Чебоксары: Новое время, 2020. – С. 72–78.
2. Исмагилова Е. И. Календарный и сезонно-приуроченный фольклор чувашей в условиях сибирской диаспоры // Сибирский филологический журнал. – 2025. – № 3. – С. 9–24.
3. Исмагилова Е. И. Русские песни поздней традиции в музыкальном фольклоре чувашей Сибири // Pax sonoris. – 2013. – № 7. – С. 14–20.
4. Исмагилова Е. И. Чувашский фольклор в хакасском селе Доможаков (по материалам экспедиции 2024 года) // Народная культура Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (XX–XIII научно-практический семинар) (31 окт. – 1 нояб. 2024 года) / отв. ред. Н. К. Козлова. – Омск: Наука, 2025. – С. 92–99.
5. Исмагилова Е. И., Федотова Е. В. Петровские песни сибирских чувашей: степень сохранности, этнографический контекст, особенности текстов и напевов // Фольклор народов Поволжья и Урала: жанры, поэтика, проблемы изучения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Чебоксары, 10–11 октября 2019 года) / сост. и отв. ред. Г. Г. Ильина. – Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 31–44.
6. Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 288 с., нот., ил.
7. Культура Чувашского края: учеб. пособие / В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др.; сост. М. И. Скворцов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. – Ч. 1. – 349 с.
8. Сурхури, Кёркури! Чувашские календарные песни: хрестоматия / сост. Л. В. Петухова, Г. В. Салюков, И. Ф. Яковлева; науч. ред. М. Г. Кондратьев. – Чебоксары, 2018. – Вып. 1. – 535 с., ил.

### References

1. Ismagilova E.I. Izuchenie muzykal'no-fol'klornykh traditsiy chuvashy Sibiri: itogi i perspektivy [Study of musical and folklore traditions of the Chuvash people of Siberia: results and prospects]. *Narodnye traditsii: preemstvennost' pokoleniy i organichnost' bytovaniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Folk traditions: continuity of generations and organic existence. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2020. 256 p. (In Russ.).
2. Ismagilova E.I. Kalendarnyy i sezonno-priurochenny fol'klor chuvashy v usloviyakh sibirskoy diaspory [Calendar and seasonal folklore of the Chuvash in the context of the Siberian diaspora]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2025, no. 3, pp. 9–24. (In Russ.).
3. Ismagilova E.I. Russkie pesni pozdney traditsii v muzykal'nom fol'klоре chuvashy Sibiri [Russian songs of the late tradition in the musical folklore of the Chuvash of Siberia]. *Pax sonoris* [Pax sonoris], 2013, no. 7, pp. 14–20. (In Russ.).
4. Ismagilova E.I. Chuvashskiy fol'klор v khakasskom sele Domozhakov (po materialam ekspeditsii 2024 goda) [Chuvash folklore in the Khakass village of Domozhakov (based on materials from the 2024 expedition)]. *Narodnaya*

*kul'tura Sibiri: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Folk Culture of Siberia. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]*. Omsk, Nauka Publ., 2025. 168 p. (In Russ.).

5. Ismagilova E.I., Fedotova E.V. Petrovskie pesni sibirskikh chuvashhey: stepen' sokhrannosti, etnograficheskiy kontekst, osobennosti tekstov i napevov [Petrovsky songs of the Siberian Chuvash: state of preservation, ethnographic context, features of lyrics and chants]. *Fol'klor narodov Povolzh'ya i Urala: zhanry, poetika, problemy izucheniya: materialy Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Folklore of the peoples of the Volga and Ural regions: genres, poetics, problems of study. Proceedings of the Interregional scientific and practical conference]*. Cheboksar, Chuvash State Institute of Humanities Publ., 2021. 312 p. (In Russ.).
6. Kondratyev M.G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma [Chuvash music: from mythological times to the development of modern professionalism]*. Moscow, PER SE Publ., 2007, 288 p. (In Russ.).
7. *Kul'tura Chuvashskogo kraya [Culture of the Chuvash region]*. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo Publ., 1995, part 1. 349 p. (In Russ.).
8. *Surkhuri, Kėrkuri! Chuvashskiye kalendarnye pesni: khrestomatiya [Surkhuri, Kerkuri! Chuvash Calendar Songs. Anthology]*. Cheboksary, 2018, iss. 1. 535 p. (In Russ.).

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Пример 1

Музыкальный пример 1. Песня в мажоре, 2/4 такта. Темп 150-154 уд./мин.

Су - рху - ри, Кě - рку - ри!

П(ě)ри - та - ка, те при - пу - тьяк.

Пи - ре ку - ккăль па - ма - сан,

Ъа - тма хě - рри ка - тă - лтăр.

Пи - ре <...> йă - ва па - ма - сан,

К[ă]ма - ка а - ни су - ра - лтăр.



Пример 2

Музыкальный пример 2. Пять строк нотной записи на одной системе. Каждая строка имеет темповую пометку: 109, 120, и 80. Под нотами приведены русские тексты.

Су - рху - ри, Кѣ - рку - ри!

П(ѣ)ри - та - ка, та при пу - тѣк.

Ма - на йа - ва па - ма - сан,

Са - тма хѣ - рри ка - та - лтѣр!

Пример 3

Музыкальный пример 3. Пять строк нотной записи на одной системе. Каждая строка имеет темповую пометку: 70, 77, 80, и 82. Под нотами приведены русские тексты.

Су - рху - ри, Кѣ - рку - ри!

Су - рѣх хѣ - ри со - ла - мат. <...>

Ѣ - не хѣ - ри ви - на - ват

Пи - ре пу - лѣ па - ма - сан,

Са - тма хѣ - рри ка - та - лтѣр!

## Пример 4

♩ = 80

Ла - ши - се - не кў - ле - ри ла - йа - ххи - се,

♩ = 86

Я - лан ғил(и) - хи вё - җё - сем кә - три - се?

♩ = 83

Хё - рё - се - не ла - рта - ри чи - пе - рри - се,

♩ = 93

Са - сси - сем те шаһ - крав пек у - җи - се?

## Пример 5

♩ = 107

Ға - ва - рни - ех, Ға - ва - рни, а - и те - рё - мёр,

♩ = 115

А - кә җи - трё ё - нтё те Ға - ва - рни,

А - кә җи - трё ё - нтё те Ға - ва - рни.

## Пример 6

♩ = 62

Ғак Ға - ва - рни ма ки - - - лет?

Ху - ри - се - не ху - рла - - - нма,

Са - рри - се - не са - вә - нма.

Пример 7

1.  $\text{♩} = 100$

Ѕă - мър ки - лет ху - ра - лса те,

Ѕă - мър ки - лет ху - ра - лса.

$\text{♩} = 90$

Ва - рман хѣ - рне шу - ра - тса.

2.

Вă - йă ки - лет вы - ля - са та,

Вă - йă ки - лет вы - ля - са.

А - сла у - ра - ма я - нăр(а)-тса.

Пример 8

$\text{♩} = 46$

Ѕă - мха йы - трăм сў - ле - лле,

Ѕă - мха йы - трăм сў - ле - лле.

$\text{♩} = 50$

Куҫ ку - рма - рѣ(й) а - нни - не,

Куҫ ку - рма - рѣ(й) а - нни - не.